

Противоречия послевоенного капитализма

Исходной точкой в выяснении своеобразия послевоенного развития капитализма следует принять создавшееся резкое противоречие между производственным аппаратом и рыночным спросом. Капиталистическое хозяйство редко в состоянии использовать весь аппарат производства, все производительные силы страны. По мере роста основного капитала происходит его связывание с вещественными элементами. Построив шахту, доменную печь и т. д., предприниматель надолго связывает свой капитал и не может освободить его даже в том случае, если эти предприятия оказываются невыгодными. Точно также, нельзя до времени бросать старые предприятия даже в том случае, когда новые более выгодны, так как нельзя выручить обратно вложенный капитал пока он не амортизируется. Отсюда и происходит, что к старым предприятиям прибавляются новые, только отчасти заменяющие старые, в большинстве случаев работающие одновременно со старыми, конкурирующие с ними и понижающие тем самым общую нагрузку всех предприятий. Другими словами, когда создаются новые предприятия, которые по своей производительной способности в состоянии покрыть весь спрос, они не целиком вытесняют существующие предприятия, а только отчасти, отнимая у старых часть заказов, понижая их нагрузку и работая в свою очередь с неполной нагрузкой.

В период свободной торговли всякое увеличение производственного аппарата вызывало обостренную конкурентную борьбу, понижение цен и доходности и заставляло медлить с постройками новых предприятий. Развитие техники все же регулярно опережало процесс расширения рынка. Техника требует постройки предприятий больших размеров, которые способны сразу произвести переворот в условиях рынка. Отсюда стремление предпринимателей к ограничению конкуренции и к созданию монополистических организаций, распределяющих рынок между существующими предприятиями. Цель таких организаций заключается в консервировании и существующих предприятий и сохранении за старым капиталом, по крайней мере, его прежней доходности. Это достигается неполным использованием как старых, так и новых предприятий. Но так как хорошо оборудованные предприятия должны работать с известным минимумом нагрузки, чтобы себя оплачивать, то они постепенно вытесняют старые предприятия, скупая их и прекращая на них работу. Однако, этот процесс концентрации производства внутри монополистических организаций идет относительно медленно, так как дальнейшее производство лучших предприятий отягощается выкупной суммой и может быть выгодным только при определенном состоянии цен. Высокие же цены вообще не дают возможности значительно расширить продукцию. Вот почему одновременно с процессом концентрации, который при существовании монополистических организаций происходит не только за счет ау т с е й д е р о в, неорганизованных предприятий, но и внутри самих картелей, путем выкупа долей участия слабых предприятий более сильными, отмечается также постоянное и значительное расхождение между производственной способностью и размерами ее исполь-

зования. Это особенно сказывается в кризисные годы, когда сильно сокращается спрос. Так, в Соед. Штатах в 1911 г. только 50,6% доменных печей было в действии, а в 1914 г. даже только 44,5%. Но даже в относительно хорошие годы — 1909, 1910 и 1913 — число действовавших доменных печей не превышало 65%. Это число считается в Соед. Штатах нормальным, между тем в Германии использование доменных печей в 1909 и 1910 гг. составило 83,5% и 87,3% всех существовавших печей. Чез («Трагедия расточительства» англ. изд. стр. 187) приводит уже совсем невероятный пример расточительства. Использование в Америке лесопилен перед войной составляло только 1/3!

После войны это противоречие между производительной возможностью и покупательной способностью рынка еще значительно обострилось. Война произвела огромные разрушения. Она обошлась всем участникам в 80 миллиардов долл., т.-е. больше всего предвоенного состояния Франции и Италии вместе взятых, на 20 миллиардов долл. выше стоимости всей мировой железнодорожной сети со всем оборудованием и т. д. Тем не менее, война поглощала только 15,5% годового дохода Соед. Штатов, 25,6% дохода Франции, 19,2% дохода Италии, 31,6% дохода Германии и 36,9% годового дохода Англии.

Принимая во внимание слабое использование производственного аппарата в этих странах, не трудно было повышением нагрузки заполнить часть пробела, произведенного войной. Если к этому присоединить, что потребление народных масс, в части даже самых основных продуктов, сильно сократилось (в Германии, например, сокращение определяется в 50% и больше), то станет ясным, что несмотря на те разрушения, которые война произвела, она все-таки почти совсем не затронула производственного аппарата капиталистически развитых стран. Более того, вызвав большой спрос для военных целей и создав небывало благоприятную конъюнктуру для предпринимателей, она содействовала значительному расширению производственного аппарата во всех основных отраслях народного хозяйства.

Теперь этот факт считается уже установленным. О нем много говорилось в послевоенной экономической литературе,¹ и мы на нем не будем останавливаться. Приведем только несколько примеров: английская угольная промышленность работала в 1928 году с нагрузкой в 75%. Из 427 доменных печей в июне 1928 г. работали всего 141, или 33%. В Соед. Штатах из 343 доменных печей работали 190, или 55,4%. В Германии из всего числа в 185 дом. печей в действии находилось 103, или 55%.

Союз германских паровозостроителей в своей докладной записке в августе 1928 г. так характеризовал положение этой отрасли промышленности в Германии.

До войны ежегодная потребность Германии в новых паровозах составляла 1.600—1.800 шт. Экспорт в 1912 и 1913 г.г. составил 1.355 и 1.457 шт. Общая стоимость продукции составила тогда сумму в 200 млн. марок. Средняя же годовая продукция за годы 1924—1927 не превышала 120 паровозов. Заказы германских железных дорог не превышали 7% довоенных. В 1927 г. были сделаны заказы на 100 паровозов, а в 1928 — на один. Число имеющихся паровозов на германских железных дорогах составляет 24.500, в то время, как максимальная потребность в них составляет 22.500. Так как паровоз может служить в течение 25 лет, то ежегодно необходимы 900 новых для замены выбывающих. Однако, тяжелое финансовое положение железных дорог заставляет отказаться от новых

¹ См., например, книгу «Женевская экономическая конференция», Изд. «Моск. Рабочий», 1926 г.

заказов. Для спасения этой стратегически важной отрасли хозяйства записка считает необходимым, чтобы правительство предоставило железным дорогам кредит в размере 50 млн. марок, предприняло меры для рационализации и концентрации производства, дав заказы только наиболее крупным предприятиям, с оказанием известной поддержки остальным с целью облегчения их перехода к производству других продуктов.

Производители стали высокого качества жалуются («Берлинер Тагесблат» от 28 марта 1929 г.) в свою очередь на слишком разросшийся производственный аппарат, который за время войны вырос в три раза, а сбыт мало увеличился. Несмотря на то, что спрос на эту сталь в промышленности увеличился, вследствие уменьшения потребности в ней со стороны военного ведомства, а также уменьшения вывоза (с 40% до 10% общей продукции), получается переполнение рынка. Создание крупного концерна «Германские заводы благородной стали» мало изменило положение, так как одновременно продолжают существовать и мелкие предприятия, и такой крупный производитель, как Крупп, и специальное крупное общество Баккер, отделение которого по производству «благородной стали» работает с нагрузкой на 60%.

Этот факт расхождения между производительной способностью предприятий и рыночными возможностями придает послевоенной конъюнктуре особый отпечаток. Не то, чтобы хозяйство находилось в положении перманентного кризиса: такого положения вообще не бывает. Конъюнктурные колебания отмечаются и после войны. Положение хозяйства то улучшается, то ухудшается, переход от подъемов к кризисам и депрессии даже участился по сравнению с довоенным периодом капиталистического развития, что констатируется, между прочим, и Бальфуrowsкой комиссией, исследовавшей положение английской промышленности на мировом рынке. В Соед. Штатах уже накануне мировой войны можно было отметить более частые кризисы. Кризисными годами там считались: 1873, 1884, 1890, 1893, 1903, 1907, 1910 и 1913. До 1903 года кризисный цикл продолжался 10 лет, а после него — около 3 лет. После войны мы имеем следующие кризисные годы: 1921, 1924 и 1927. Так, если судить по проценту использованных доменных печей, мы имели в 1911 г. 50,6% (в июле 47,1%), в 1921 г. — 25,1%, 1924 г. — 50,1% (в июле 35,7%) и в 1927 г. — 54% (в декабре 48%). Максимальное сокращение выплавки чугуна между январем 1910 г. и январем 1911 г. составило 32,5%. Между июлем 1923 г. и июлем 1924 г. — 51,3%, а между октябрем 1926 и октябрем 1927 г. — 46%. Таким образом, темп колебаний капиталистической конъюнктуры участился. Более того, он стал гораздо более резким, по крайней мере, в области производства основных элементов средств производства. Даже «сезонные колебания» продукции после войны стали более резкими, чем перед ней. В относительно благоприятный 1927 г. разница между предукцией чугуна в апреле и в августе (дневная выплавка 115 тыс. и 103,2 тыс. тонн) составила 10%, в то время как в 1912 г. она составила меньше 2%. Таким образом, мы имеем в общем более частые и более резкие колебания конъюнктуры.

К этому надо прибавить, что движение цен, по крайней мере на железо и сталь, показывает продолжительную тенденцию к падению. Вместо циклических колебаний цен вверх и вниз, цены после 1923 г. упорно падают. Так, цены на чугун падали после 1909 до 1911, затем стали подниматься до 1913 г., но после 1923 г. они все время идут вниз. Такое движение цен хотя и может быть вызвано значительным ростом производительности труда, все же свидетельствует о том, что хозяйство находится в относительно депрессивном состоянии: рост цен с дной стороны, указывает на нормальный рост прибылей, а с другой — вызывает ажи-

отаж; падение же цен даже тогда, когда оно не означает и падение нормы прибыли, действует угнетающе на торговцев, не знающих, по каким ценам им придется продавать покупаемые товары, и вместе с тем придает рынку характер депрессии.

Кризис, как известно, есть временное разрешение противоречий капиталистического развития. Отсюда — частые кризисные явления и резкий характер «кояконтурных» колебаний свидетельствуют о том, что противоречия в развитии послевоенного капитализма особенно обострились, стали более напряженными.

II

Из того основного факта, что производственный аппарат значительно превышает рыночные потребности, вытекает не только то, что послевоенный капитализм еще подвергается более частым и более резким колебаниям и потрясениям, но и замедление в темпе роста основного капитала. Продукция в основном либо достигла, либо превысила довоенные размеры. Например, мировая выплавка чугуна в 1928 г. превысила довоенный уровень на 12% (в 1927 г. на 1%), а стали даже на 41% (в 1927 г. — на 6%). Это свидетельствует о том, что за этот период времени вырос основной капитал. Но ведь с 1913 г. прошло 15 лет, а за 13 лет до войны т. е. с 1900 по 1913 гг. мировая продукция стали увеличилась с 28,3 до 76,2 млн. тонн, или в 2,7 раза.

Средний годовой прирост продукции стали составлял в годы 1900—1910—7,5%, за годы 1910—25—4,0%. С 1925 г. по 1928 г. продукция увеличилась следующим образом: 3,1% + 9,3% + 6,1%, т. е. довоенный темп еще не достигнут.

Это объясняется именно тем обстоятельством, что расширяется продукция, но не растет строительство и мало расширяется основной капитал в сферах производства средств производства. В общем и целом, число предприятий и число отдельных заводов и фабрик не растет, а уменьшается.

До войны значительный промышленный подъем обычно сопровождался и увеличением числа предприятий. Процесс концентрации производства совершался при быстром темпе развития и путем поглощения мелких предприятий крупными, но одновременно строились новые средние и крупные предприятия, так что процесс концентрации шел за счет более быстрого роста крупных предприятий. Абсолютно росли и мелкие и средние, хотя удельный вес их в общей продукции падал.

Так, в американской промышленности насчитывали предприятий (включая ремесленные и т. п.):

Год переписи	Число предпр. в тыс.
1849	123
1859	140
1869	252
1879	254
1889	355
1899	512

а без ремесленных и т. п. предприятий:

1899	208
1904	216
1909	248
1914	276

Таким образом, число предприятий от одной переписи к другой увеличивалось. Совсем другую картину мы замечаем после войны, когда число

предприятий показывает явную тенденцию к сокращению. Так, их было в 1914 г. — 176 тыс., 1919 г. — 214 тыс., 1921 г. — 196 тыс., 1923 г. — 196 тыс., 1925 г. — 187 тыс. и в 1927 г. — 192 тыс. предприятий.

Надо оговориться, что данные о числе предприятий после войны не совсем правильно отражают действительное положение вещей. Дело в том, что цензы считают только предприятия, продукция которых составляет 5.000 долл., так как цены за годы 1919—1927 упали (индекс цен в 1919 г. составил 206,4, 1921—146,9, 1923—153,7, 1925—158,7 и 1927—146,3) почти на 29%, то уменьшение числа предприятий на 10% могло явиться именно в результате выключения мелких, продукция которых не составляла больше 5.000 долл. Важно, однако, что не произошло роста числа предприятий и что мало строятся новые.

В частности, была слабой постройка новых доменных печей, о чем свидетельствуют данные, Ежегодника Департамента Торговли США на 1928 г. Так, в 1920 г. их насчитывали 450, а к концу 1927 г. — 359. В действии было в 1920 г. 216, а к середине 1928 г. — 189.

Между тем, перед войной мы имели регулярный рост числа этих печей: в 1900 г. их насчитывалось 406, в 1910 г. — 473, в 1915 г. — 445. В действии было соответственно: 232, 206, 310.

Относительно Германии мы имеем в докладной записке Союза угольных предприятий в Эссене следующие характерные данные о постройке новых шахт:

Увеличение числа шахт в ‰ к имеющемуся числу (в среднем)

Годы	‰
1903—13	8,5
1914—18	1,8
1919—23	5,4
1923—28	1,4
1914—28	2,9

Темп новых построек значительно замедлился. Авторы записки объясняют причину этого явления так: строить новую шахту приходится 10 лет, затратив 50 и более миллионов марок. При неопределенности теперешнего положения, кто решится затратить такой капитал? Одновременно идет процесс ликвидации мелких предприятий («рационализация»), при чем последние новыми постройками не возмещаются, так что, как констатируется в записке, общая производительная способность уменьшилась. Другими словами, идет процесс не расширенного воспроизводства основного капитала, а приспособления слишком разросшегося производственного аппарата к потребностям рынка, конечно, часто на улучшенной технической основе.¹

Уменьшение числа предприятий свидетельствует о том, что процесс послевоенного капиталистического развития сильно стеснен и ограничен определенными рамками. Конечно, идет процесс концентрации и рационализации производства. Работа сосредоточивается на крупных и лучших предприятиях, которые в состоянии при полной нагрузке дать больше, чем раньше давали все предприятия вместе. Средняя выплавка одной печи в Германии составляла в 1913 г. — 1.127 тонн в неделю, в 1925 г. — 1.866 тонн, в 1927 г. — 2.252 тонны. Общая продукция 204 печей в 1913 г., при которых были заняты 27.078, составили 10.916 тыс., или 403 тонны на рабочего, а в 1927 г. 134 печи при 21.527 рабочих дали 13.089 тыс. тонн, т. е. 654 тонны на 1 рабочего. Мы имеем повышение производительности труда на 60%.

¹ Это положение, которое мы констатировали еще в 1926 г. в ряде наших работ (см., например, «К вопросу о стабилизации капитализма»), подтверждается все новыми и новыми данными.

Рост производительности труда и укрупнение предприятий обычно сопутствуют развитию капитализма. За 9 лет между 1909 и 1910 гг. выплавка чугуна на 1 рабочего выросла на 32%, а на 1 печь — даже на 62,9%. Тем не менее, и общее число доменных печей и число действующих увеличилось, первое — с 309 до 347, а второе — с 263 до 303, а общая выплавка сильно выросла — с 7,88 до 14,8 млн. тонн, в то время как с 1913 по 1927 выплавка чугуна изменилась только с 10,9 до 13,1 млн. тонн. За указанные 9 лет перед войной продукция выросла на 87%, а за последние 14 лет — всего на 20%.

Надо оговориться, что чугун не совсем характерен для послевоенного периода, так как для выработки стали потребляют в больших размерах железный лом. Но и продукция стали выросла только с 11,58 до 15,9 млн. тонн, т. е. меньше чем на 40%. Такой рост продукции мог уложиться в рамках существующего аппарата. Более того, одни только наиболее крупные предприятия были уже в состоянии удовлетворить рыночный спрос. Нecessности не только в постройках новых предприятий, но и в использовании более мелких предприятий почти не ощущалось.

Одно весьма видное лицо в союзе немецких инженеров сказало нам буквально следующее:

— Я весьма часто раз'езжаю по Германии, исколесил страну вдоль и поперек, но почти нигде я не замечал новых крупных промышленных построек...

Один руководитель крупного банка объяснил мне этот момент тем, что германская промышленность может конкурировать на мировом рынке благодаря тому, что основной ее капитал в значительной мере списан; при постройках новых предприятий себестоимость оказывается очень высокой.

Как бы то ни было, несомненно одно: устойчивость и продолжительность конъюнктуры зависят именно от этих построек. Строительство домов было довольно значительным. Оно-то вместе с некоторым улучшением технического аппарата вызвало промышленное оживление 1927 г. Но, по видимому, этих моментов было недостаточно, чтобы благоприятная конъюнктура в Германии продолжалась и в 1928 г.

III

В связи с указанным моментом — слишком большим основным капиталом по сравнению с рыночным спросом на него, общий темп развития капитализма после войны несколько замедлился. Мы это уже видели на примере железо-делательной промышленности, которая показывает гораздо более медленный рост, чем до войны. Точно также можно констатировать, что и потребление хлопка несколько замедлилось, не говоря уже о потреблении угля. В последней области замедление в темпе развития объясняется, между прочим, также конкуренцией, других видов топлива и двигательной силы, которая стала весьма ощутительной. В обычные периоды потребление угля, несмотря на улучшенный метод использования его и на применение других источников энергии, абсолютно возросло. После войны этот рост был весьма слабым. По данным Германского Угольного Совета общая мировая продукция угля в 1927 г. превысила на 9,4% продукцию 1913 г., в 1928 г. она несколько понизилась, приблизительно на 3%. Но если даже сравнивать только продукцию 1927 г. с продукцией 1913 г., то повышение на 9% представляется весьма незначительным. Между 1900 годом и 1913 годом продукция каменного угля повысилась с 700 млн. до 1.230 млн. тонн, т. е. на 75%, несмотря на то, что одновременно увеличилась продукция бурого угля — с 70 до 135 млн. тонн, нефти — с 20 до 52,3 млн. тонн. Продукция нефти после войны тоже не так быстро увеличилась, как это кажется на первый взгляд. В 1927 г. она составляла

1.248 млн. баррелей, против 385 млн. в 1913 г., т. е. она увеличилась в 3,2 раза. Перед войной — с 1899 по 1913 гг. — она выросла в 3 раза, т. е. даже в этой области, в которой темп развития был особенно значителен, она только немного превысила довоенный темп развития.

Важнее, однако, относительно медленный темп применения новой техники. Нет сомнения, что так называемая рационализация сказывается также и в техническом улучшении условий производства. Однако, это улучшение идет далеко не таким быстрым темпом, как это многим кажется. Так, если взять темп применения первичных двигателей в Соед. Штатах, то мы имеем следующие весьма характерные цифры: между 1899 и 1904 гг. оно увеличилось на 33,6%, между 1904 и 1909 гг. — на 38,5%, в следующие 5 лет — на 20% (понижение объясняется уже кризисными 1913—1914 гг.). За время войны применение первичных двигателей увеличилось на 31,5%, с 1919 по 1923 год — на 12,8%, между 1923 и 1925 годом — на 8,2%, между 1925 и 1927 годом — на 8%, а между 1919 и 1927 г. — на 32%. За 8 лет применение первичных двигателей увеличилось в таком же размере, сколько за пять лет во время войны, и в меньшем размере, чем за пять лет, с 1904 г. по 1909 г.

Точно также применение машин в германском хозяйстве шло в последние годы менее быстро, чем это кажется на первый взгляд. По крайней мере, до 1927 года, по данным Союза машиностроительных предприятий, сбыт машин на внутреннем рынке в Германии составил в миллионах марок: в 1913 г. — 2800, в 1927 г. — 2440 и в 1928 г. — 2830.

Если принять во внимание, что цены на машины повысились на 41%, то потребление машин в 1928 году в его реальном выражении еще было ниже, чем до войны, а именно — на 22%.

Относительно других стран имеются только данные по 1925 году, отчасти также для 1926 года, которые мы уже привели в нашей работе о Женевской экономической конференции. Общее потребление машин Центральной и Средней Европы, не считая Германии и Англии, составило в 1926 г. 1,2—1,3 млрд. марок против 1,3—1,4 перед войной. В Восточной Европе употребление машин уменьшилось, по вычислению директора Германского союза машиностроительных заводов — Ланге, на 50%. Общий ввоз машин в Европу в 1925 году составил только $\frac{2}{3}$ довоенного ввоза. Возможно, что в последние годы положение несколько улучшилось, что подтверждают данные об экспорте машин из Англии, а также из некоторых других стран. Вывоз машин из Англии, который составил в 1925 году 505,9 тысяч англ. тонн, поднялся в 1928 году до 566,2 тыс. англ. тонн. 1926 и 1927 годы дают некоторое понижение экспорта машин из Англии. Однако, этот экспорт еще значительно ниже довоенного экспорта, который составлял 719,4 тыс. тонн. Сильно уменьшился также экспорт машин из Германии, составлявший до войны 706,9 тыс. тонн, а в 1926 году только 482,4 тыс. тонн.

Все эти данные, как и многие другие, свидетельствуют, несомненно, о том, что, несмотря на процесс рационализации, темп улучшения техники и расширения основного капитала был после войны, если взять весь период как таковой, а не какой-нибудь один год, значительно более медленным, чем до войны. Это совершенно понятно. Ибо, как мы уже говорили несколько раз, война оставила капиталистическим странам в наследство значительный производственный аппарат, правда, во многих отношениях непригодный для промышленности мирного времени, но, тем не менее, давший на дальнейшее развитие хозяйства и замедляющий его темп.

Другим моментом, замедляющим темп развития послевоенного хозяйства, является усиление конкуренции со стороны заокеанских стран, в частности, со стороны Соединенных Штатов, отчасти Японии и других

стран. Проблема перенесения центра мирового хозяйства к заокеанским странам уже много раз обсуждалась в нашей прессе, и нам не приходится специально на ней останавливаться. Огромная роль, которую Соединенные Штаты играют в мировом хозяйстве, достаточно уже уяснена. Приведем только несколько иллюстраций для характеристики происшедших изменений.

Так, продукция стали западно-европейских стран составляла в 1913 г. 32,3 млн. тонн из общей мировой продукции в 75 млн. тонн, в 1925 г. она составляла 32,82 млн. из общей продукции в 89,15 млн., а в 1928 г. 40,05 млн. из общей продукции в 106,63 млн. тонн. Доля Западной Европы в мировой продукции упала с 43% до 37%. Продукция Соед. Штатов в это время поднялась с 31,30 до 51 млн. тонн, значительно обогнав продукцию всей Западной Европы.

Доля Соединенных Штатов в продукции и потреблении основных видов сырья хотя и показывает некоторое уменьшение в последние годы, все же по сравнению с довоенным временем значительно выросла. Так, в процентах к мировому итогу доля Соед. Штатов была:

Продукция Соед. Штатов в процентном отношении к мировой продукции

Г о д ы	Уголь	Нефть	Чугун	Сталь	Медь	Цинк	Свинец	Алюмин.	Пшеница	Хлопок
1913	42,5	64,5	39,8	41,6	59	31,4	34	32,1	18,9	65,7
1927	42,5	71,4	42,8	44,7	55	40,7	38,7	36,4	20,5	56,1

Потребление основных видов сырья в Соед. Штатах в % к мировому потреблению

Г о д ы	Уголь	Нефть	Каучук	Медь	Цинк	Олово	Свинец	Алюмин.	Хлопок
1913	39,4	—	43,3	36,6	27,9	34,9	33,4	47,2	25,2
1927	40,1	66,3	66,1	41,7	36,5	44,7	39,2	48,8	27,6

Большинство данных имеется у нас за 1927 и предыдущие годы. Но 1927 год был для Соед. Штатов кризисным, а для других частей света относительно благоприятным годом. Поэтому доля Соед. Штатов показывает некоторое понижение. В 1928 году, поскольку имеются уже соответственные данные, доля Соед. Штатов опять повышается. Так, в 1928 г. продукция стали в Соед. Штатах составляла 50,9 млн. тонн, достигла почти половины (47%) всей мировой продукции, которая выразилась цифрой в 107,8 млн. тонн. Продукция Соед. Штатов превысила довоенный уровень на 60%, в то время как общая мировая продукция поднялась над довоенным уровнем на 41%, а продукция главных европейских стран даже только на 21%. По экспорту готовых изделий, считая и готовые пищевые продукты, Соед. Штаты быстро догоняют Англию. В 1927 г. вывоз фабричных изделий из Англии составил 564 млн. фунтов стерлингов, или 2,7 млрд. долл., а из Соед. Штатов — 2,4 млрд. При этом Соед. Штаты только развертывают свои экспортные возможности. В 1925 г. они вывозят всего 10% своей продукции и 7,8—8,3% всей промышленной продукции, в то время как Англия вывозит больше 25% своего производства.

Еще более характерным является то обстоятельство, что общая мировая торговля показывает сравнительно слабое развитие. Европейский экспорт в ценах 1913 (по индексу цен Соед. Штатов) еще в 1927 г. составлял только 87% довоенного, если считать и экспорт из СССР, или 95% без экспорта из СССР. Общий мировой экспорт в 1927 году превышает довоенный уровень на 10%, предыдущие 2 года он держался на

уровне довоенном, не считая экспорта из СССР. Мировой импорт, не считая ввоза СССР, повысился в 1927 году на 10%, а европейский, без СССР, составил 96,2% довоенного. Приходится при этом отметить более быстрый темп развития торговли других частей света: экспорт из Азии увеличился по сравнению с довоенным уровнем на 52%, ввоз — на 38%. Экспорт из Австралии увеличился на 33%, а ввоз — на 39%. Следует, однако, заметить, что в последние годы замечается некоторая задержка в торговле этих частей света. Это связано, отчасти, с событиями в Китае, отчасти, также с возрастающей конкуренцией европейских стран, которые путем бросового экспорта пытаются задушить возросшую конкуренцию индустриализирующихся стран. В результате довоенный темп развития мировой торговли был гораздо более быстрым, чем послевоенный. Общемировой экспорт в 1900 году составил 40,4 млрд. марок, а в 1913 г. — 78,5, т.-е. почти удвоился, тогда как движение цен на мировом рынке за это время поднялось относительно незначительно: в Англии — с 102 до 116, а в Соединенных Штатах с 91 до 112, в Германии с 87,3 до 100.¹

Отсюда ясно, что мы имели перед войной гораздо более быстрый темп расширения внешнего рынка чем после нее. В этом отношении можно констатировать еще более резкое сокращение рамок развития капитализма, чем по отношению к внутреннему рынку. Годы после войны характеризуются углублением внутреннего и весьма слабым расширением внешнего рынка, между тем, как выход на внешний рынок является для капитализма одним из наиболее удобных способов ликвидации кризиса. И именно тот факт, что этот выход был в значительной степени затруднен, что общие рамки мирового рынка были относительно сужены, при резко возросшем основном капитале, который не мог быть целиком использован, делает борьбу за мировой рынок особенно острой, особенно тяжелой. На почве относительно падающих цен и медленного развития основного капитала внешний рынок был бы действительно спасением для капиталистического мира. Отсюда постоянные международные конференции, которые занимают проблемой упорядочения мировой торговли с целью улучшения экспортных возможностей, отсюда борьба против таможенных пошлин, которые применяют молодые индустриализирующиеся страны для защиты своей промышленности, отсюда борьба и против монополии внешней торговли СССР, но отсюда также все обостряющаяся конкуренция между отдельными капиталистическими государствами.

IV

Выше мы показали, как изменялись взаимоотношения различных стран на мировом рынке. Однако, численный показатель еще недостаточен для характеристики того положения, которое создалось после войны. Качественное различие между теперешним положением и довоенным следует искать в том факте, что изменились финансовые взаимоотношения между Европой и остальными частями света. До войны, как известно, Европа была почти единственной частью света, которая представляла значительный капитал остальным странам и извлекала таким образом большой доход. Как известно, современная торговля следует не за флагом, а за капиталом, и господствовали на мировом рынке европейские индустриальные страны. В настоящее время положение изменилось в том смысле, что сама Европа в значительной мере еще нуждается в импорте капитала, при чем главной страной, экспортирующей капитал, стали Соединенные Штаты.

За последние три года баланс ввоза и вывоза капитала из Европы, правда, уменьшился в ее пользу, но она все еще ввозит капитала больше,

¹ Общий мировой индекс оптовых цен увеличился с 86,4 до 100 в 1911 г.

чем вывозит. Об общем движении капитала в Европу и из нее можно судить последующим цифрам (в млн. долл.):

	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Ввоз в Европу из Соед. Штатов	524,8	659,0	508,2	657,0
Вывоз из Европы в др. части света	474,2	364,1	457,2	648,3
Результат	50,6	295,0	51,1	8,7

В последние годы, следовательно, зависимость Европы от новых притоков капитала уменьшилась. В 1930 г. или, во всяком случае, в ближайшие годы, когда экспортером капитала выступит также Франция, положение Европы возможно несколько улучшится.

Общая инвестиция Соед. Штатов за границей, не считая военных государственных займов, выразилась следующими цифрами (мрд. долл.):

	1928 г.	1927 г.	1913 г.
Европа	4,8	4,3	0,35
Канада	4,1	3,9	0,75
Южн. Америка	2,5	2,2	0,1
Центр. Америка	2,9	2,9	1,4
Австралия	0,8	0,7	0,17
Разн. страны	0,4	0,4	0,05
Всего	15,6	14,5	2,62

Отсюда судя по этим данным Уинклера, Европа должна Америке по частным займам 4,8 млрд. марок. Ежегодные платежи, считая в среднем по 8%, составляют около 400.000.000 долларов. До войны Европа получала из-за границы от 4½ до 5 миллиардов марок в год; теперь, за исключением Англии, доходы которой от заграничных инвестиций составляли 285 миллионов фунтов, а из-за океанских стран, вероятно, около 200 миллионов, другие страны получают из внеевропейских стран весьма незначительные суммы, в общем, вероятно, вместе с доходами Англии, не больше миллиарда долларов. До сих пор, следовательно, европейские страны, специально Англия, еще получают больше от заграничных вложений в внеевропейских странах, чем Америка от европейских стран¹. Общий доход Англии от заграничных вложений еще тоже значительно превышает доход Соединенных Штатов от заграничных вложений, который составлял в 1927 г. 795 млн. долл. Из них, однако, надо вычесть 281 млн., которые Америка должна была платить в свою очередь своим кредиторам, так что чистыми осталось только 514 млн., в то время как Англия получала 270 миллионов фунтов, т.е. в два раза больше той суммы, которую получили Соед. Штаты. В этом смысле Англия еще имеет значительные виды на дальнейшее укрепление своего положения на мировом рынке. Когда английское народное хозяйство приспособится несколько больше к современному положению мирового рынка, оно сумеет благодаря экспорту капитала удержать некоторые рынки в своих руках.

Процесс развития накопления американского капитала за границей идет гораздо более быстрым темпом, чем в Англии, и вместе с тем они, конечно, займут господствующее положение. Если платежный баланс Англии в 1927 году был заключен в пользу Англии на 96 млн. фунтов стерл., а в 1928 г. на 148 млн., то платежный баланс Соед. Штатов, если не считать нового экспорта капитала был заключен в пользу Соед. Штатов больше чем на 1 миллиард долларов, что дает этой стране, несомненно, огромное преимущество на мировом рынке. Обычно это преимущество

¹ В этих подсчетах не приняты во внимание платежи европейских стран американскому правительству по военной задолженности, которые в 1927 г. составили сумму в 206 млн. долл.

сводят к тому, что они стали обладателями значительной части мирового золота. Однако, поскольку проблема стабилизации валюты в Европе более или менее разрешена, вопрос о движении золота играет весьма незначительную роль. Более важным является то обстоятельство, что Соед. Штаты обладают такими товарами, в которых европейская промышленность нуждается, как, например, хлопок и хлеб. Это дает Соединенным Штатам возможность до сих пор иметь активный торговый баланс, в то время как Англия и другие страны имеют чрезвычайно пассивный торговый баланс и весьма незначительный активный платежный баланс. Это обстоятельство и обеспечивает Соед. Штатам преобладание на мировых рынках...

V

В ряде статей Гильфердинг проводил ту мысль, что повысить прибыль можно двумя путями: или победой над своим конкурентом, т.е. уничтожив его, или, если такая победа трудна, путем соглашения и повышения цен. Так как Англия и Соед. Штаты, как ему кажется, равные противники на мировом рынке, то дальнейшее развитие мирового хозяйства он себе мыслит в виде соглашения между предпринимателями отдельных стран, образующими международные картели и тресты. Развитие последних лет, богатое образованием таких международных картелей и трестов, как будто доказывает справедливость такого положения вещей. Однако, контроль всей мировой продукции «совершенно несовместим с законами капиталистического производства, а потому всегда остается платоническим благопожеланием» (Маркс). Несомненно прав был Ленин, когда говорил, что «не чистая монополия, а монополия рядом с конкуренцией, вот существенная особенность империализма... Устранить конкуренцию... империализм не может». На самом деле, мы замечаем, что несмотря на бесчисленные монополистические образования после войны как на внутреннем, так и на внешнем рынках, борьба обострилась, а не уменьшилась.

Тот факт, что создан огромный производственный аппарат, который значительно превышает рыночное потребление, с одной стороны, чрезвычайно обостряет конкуренцию, а с другой, заставляет во многих случаях прибегать к объединению для возможного ослабления остроты этой конкуренции, так как она является разорительной для всех участников. А так как общая производительная мощь аппарата значительно превышает рыночный спрос, то естественным результатом является резкое падение цен. Во многих случаях капитал, вложенный в производство, уже списан, и предприниматели могут вести конкуренцию на самом деле очень долго, разоряя не столько себя, сколько своих противников. Это мы видим на примере угольной промышленности, которая работает в Англии и в Германии уже в течение нескольких лет с убытком, и тем не менее борьба еще продолжается. Поэтому предприниматели и стремятся к соглашению и устранению конкуренции. То обстоятельство, что производственные возможности значительно превышают спрос, казалось бы диктует необходимость значительного сокращения продукции для того, чтобы приспособить существующий аппарат к рыночным возможностям. Однако, такое сокращение бьет по лучше организованным предприятиям сильнее, чем по слабым, и по этой причине образование таких монопольных организаций идет относительно медленно: возникая в одном месте, монополии лопаются в другом.

В общем прав Гармс, указывая, что в настоящее время мы наблюдаем более сильную конкуренцию на рынке, чем когда бы то ни было. Несмотря на то, что в последние годы возникли многочисленные монополистические организации, цены все же показывают тенденцию к падению, кризисы стали более частыми и сезонные колебания, как мы уже говорили, приняли осо-

бенно резкий характер. Несмотря на все потуги организации капитала, плановости в послевоенном капиталистическом хозяйстве не больше, а гораздо меньше, чем в довоенном. Хотя монополия и охватила большое число отраслей хозяйства, проникла и в обрабатывающую промышленность, а международные монополистические организации охватили весьма важные отрасли народного хозяйства, тем не менее мы имеем резкие колебания цен и гораздо менее устойчивое положение на мировом рынке, чем до войны. Если, например, сопоставить движение общего мирового индекса цен в 1913 году с движением его в послевоенные годы, то мы видим, что в 1913 году колебание между высшим и низшим уровнем составляло максимально 7%, между тем как амплитуда колебаний цен в 1927 году представляет собою довольно значительную величину: между 149,2 и 133,1, т. е. больше чем на 12% по отношению к низшему уровню.

Гильфердинг в своей конструкции исходит из своей любимой идеи о возможности мирового картеля, который регулировал бы все хозяйство капиталистических стран. Он даже договорился до того, что считает современное хозяйство уже организованным, социалистическим, и весь вопрос заключается только в формах власти. На самом деле существование частной собственности на средства производства исключает возможность полного регулирования народного хозяйства, и до тех пор, пока капитал остается, его стремлением будет увеличение нормы прибыли, т. е. желание оторвать от своих конкурентов большую часть прибавочной стоимости в свою пользу. Таким образом, борьба за разделение прибавочной стоимости не может прекратиться как в национальном, так и в международном масштабе до тех пор пока будет существовать капиталистическое хозяйство, и, поэтому, как показывает современная действительность, монополия не может уничтожить конкуренции. Наоборот, развитие капиталистического хозяйства идет диалектически: на одном полюсе создается монополия, а на другом усиливается конкуренция, обостряются противоречия как между неорганизованными предприятиями, так и между монополиями, между последними и неорганизованными предприятиями и, наконец, в среде самих этих монополий, в виде борьбы из-за доли участия в их прибылях.

Таким образом, не организованность, не мирное соглашение характерно для послевоенного капитализма, а, наоборот, резко обостряющаяся конкурентная борьба которая является следствием сильно возросшего производственного аппарата, слабого развития покупательной способности населения и усиливающейся конкуренции других стран. Все эти моменты, приведшие к сокращению объема мировой торговли, к затруднению выхода на внешний рынок и вместе с тем к замедленному темпу использования и обновления производственного аппарата в Европе, вызывают обостренную борьбу как на свободном рынке, так и внутри самих картелей. И именно это обстоятельство делает современное положение чреватым большими опасностями: обостряющаяся борьба на международных рынках сопровождается обычно и политическими конфликтами...

VI

Указанным относительно медленным темпом развития капиталистического хозяйства объясняется и огромная безработица, господствующая почти во всех странах. До войны она редко превышала несколько процентов. Как констатирует отчет Бальфуровской комиссии, свыше 10% безработных членов профсоюза в Англии имело место только в 1886 году; во время кризиса 1893 г. безработица достигла 7,5%, а в 1908—1909 гг. — свыше 7%. В 1913 г. она составляла 3,7%. За годы 1921—24 она составила в среднем 12,3%, в 1926 г. — 12,6%, в 1927 г. — 9,8%, а в 1928 г. — 10,9%. Если до войны высокий уровень безработицы держался

нормально только несколько месяцев, то теперь он уже в течение 7 лет почти не понижается.

Немногом лучше положение и в Германии. Среднее число безработных членов профсоюзов составило (в %):

1907—13	2,3
1924—26	12,7
1927	8,7
1928	10,3

По Соединенным Штатам мы располагаем данными о числе занятых. По данным промышленных цензов число занятых в фабричной промышленности с производством в 5 тысяч долларов в год составляло, начиная с 1914 года, следующие величины:

Годы	В тысячах	Изменение в %/о
1914	7.015	—
1919	9.031	+ 28,7
1921	6.938	— 23,2
1923	8.768	— 26,4
1925	8.381	— 4,4
1927	8.351	— 0,3

Таким образом, мы здесь замечаем, что после 1919 г. общее число занятых не только не показывает увеличения по сравнению с 1919 г., но даже уменьшилось — на 7%.

Вопросу о количестве занятых рабочих в Соед. Штатах посвящена статья Шлихтера в журнале Американского Экономического Общества American Economic Review, март 1929 г. По данным, приводимым в этой статье, число занятых между 1920 и 1927 гг. уменьшилось на 10% — в фабричной промышленности и на 15% — в железнодорожном транспорте. В горной промышленности число занятых не изменилось, в сельском хозяйстве — сократилось до 1928 г. на 1.300.000. Общее число занятых уменьшилось, по его подсчетам, на 2.300.000. Так как население одновременно увеличилось на 13,6 млн., то, повидимому, значительное число рабочих ушло в разные обслуживающие отрасли народного хозяйства, не занятые материальным производством. Как нам кажется, все эти подсчеты грешат тем, что они не принимают во внимание изменение индекса цен, которое было весьма значительным за этот период, как мы уже отметили выше. Так как между 1919 и 1927 годами изменение цен составляло 29%, то не удивительно, что понизилось количество занятых, составляющее 7% (или 10%),¹ так как вследствие понижения цен предприятия, которые производили раньше продукцию на 5.000 долларов, производят ее теперь на 3.500 долларов, и, следовательно, не были включены в подсчет ценза. Другими словами, из подсчета выпало значительное количество мелких предприятий, в которых занято относительно большее число рабочих. Затем весь этот подсчет не принял во внимание, что в 1919 году промышленность еще в значительной мере работала на потребности военного времени. Очень большое число рабочих было занято, напр., в кораблестроительной промышленности. В судостроении было занято в 1919 году 387.000, в то время как в 1925 году их было всего 38.000, т. е. за это время число занятых в судостроении уменьшилось приблизительно на 350.000, что составило больше половины всего сократившегося числа занятых в промышленности рабочих.

Основной причиной некоторого сокращения числа занятых следует считать относительно замедленный темп развития продукции. Цитирован-

¹ Между 1925 и 1927 гг. цены на промизделия упали на 6%, а число занятых — всего на 0,3%.

ный нами автор отрицает связь между развитием производительности труда и сокращением количества занятых рабочих. Им устанавливается, что в некоторых отраслях промышленности, в которых производительность труда быстро развилась, число занятых в то же время увеличилось, а в других, где производительность труда поднялась меньше, сократилось одновременно и число занятых. Это указание подтверждает только, что все зависит от темпа развития продукции.

Каково же положение в этой области?..

По данным, которые мы находим в том же журнале за март 1928 года, за 10 лет перед войной — между 1898—1900 гг. и 1908—1910 гг., — продукция промышленности увеличилась на 58%, число занятых на 45%, а выработка на одного рабочего на 10%. За годы 1918—20 по 1924—26, т. е. за 6 лет, продукция увеличилась на 28,5%, число занятых уменьшилось на 8,5%, а выработка на одного рабочего увеличилась на 40,5%. Производительность труда, следовательно, в последние годы после войны увеличилась быстрее чем перед войной. И так как общий размер продукции вырос относительно медленнее, чем до войны, то число занятых сократилось. Надо сказать, что и этот подсчет грешит неточностями, поскольку исходным пунктом являются первые годы после войны, когда производительность труда была особенно низкой, вследствие ряда моментов, которые были вызваны случайными обстоятельствами: общим расстройством аппарата, недостатком некоторых видов сырья, сильным сокращением продукции в 1919 г. Все эти моменты понижали среднюю выработку на рабочего, считая на весь год. Если бы подсчет был проведен с учетом указанных моментов — т. е. если бы принимался во внимание простой предприятий и временные потери за время забастовок, то производительность труда в промышленности не была бы такой низкой. Что это на самом деле так, можно судить на основании того, что производительность труда в 1918—20 гг. исчисляется на 5% ниже, чем 1900—10 гг. Очевидно, дело в расстройстве аппарата, которое мешало полному использованию производительности труда. Как только аппарат был исправлен, сразу выявился рост производительности труда, который наметился в прежние годы. Этим и объясняется, что эти годы дают значительный скачок в развитии производительности труда. На самом деле, если взять весь период 1898—1900 по 1924—26 гг., мы имеем правильную линию развития производительности труда во всех областях народного хозяйства: в промышленности производительность труда увеличилась на 47%, в сельском хозяйстве на 47%, в горной промышленности на 99%, что весьма естественно вследствие особого развития этих отраслей хозяйства.

Как бы то ни было, относительно замедленный темп развития продукции не подлежит никакому сомнению. Шлихтер указывает на то, что продукция между 1923 и 1927 годами увеличилась меньше чем на 4%, в то время как за годы 1899—1904 она увеличилась на 22%, а между 1904 и 1909 годами даже на 30%. Интересно сопоставить рост продукции, числа рабочих и применение первичного двигателя в промышленности. Первый послевоенный кризис дает уменьшение продукции на 20,6%, а число занятых на 22,8%. В следующие годы, с 1921 по 1923, продукция увеличивается на 53,7%, а число занятых увеличивается на 26,4%. С 1919 по 1923 гг., мы имеем увеличение продукции на 22% и уменьшение числа занятых на 2,5%. За пять лет, с 1899 по 1904, применение первичных двигателей увеличилось на 33,6%, продукция — на 22,2%, а число занятых — на 16%. За следующие пять лет применение двигателей увеличилось на 38,15%, продукция — на 32%, а число занятых на 21%. За пять лет с 1909 по 1914, применение двигателей увеличилось на 20,1%, продукция — на 6,4%, а число занятых на 6,4%. За время войны применение

двигателей увеличилось на 31,5%, продукция — на 26,1%, число занятых — на 29,3%. Следовательно, за время войны произошел относительно быстрый рост числа занятых, более быстрый, чем увеличилась продукция, и почти в таком же размере как применение первичного двигателя, что совершенно ненормально с точки зрения развития техники и хозяйства, где рост постоянного капитала должен значительно превышать рост переменного капитала. Этим обстоятельством, вероятно, приходится объяснять то, что в следующие годы мы имеем значительное замедление в росте числа занятых и, наоборот, усиленный темп применения первичных двигателей и развития продукции.

Полное представление о числе занятых в Соединенных Штатах мы получим только после того, как будет произведена общая перепись народонаселения и числа занятых во всех областях. Дело в том, что, как мы уже говорили, этот подсчет отдельных отраслей народного хозяйства, не дает ясной картины действительного положения вещей. В канадской промышленности число занятых, начиная с 1919 года, показывает в общем и целом картину, сходную с той, которая нам известна относительно Соединенных Штатов. Это видно из следующих данных: общее число занятых рабочих было: 1917 год — 622.000, 1918 год — 618.000, 1919 год — 611.000, 1920 год — 609.000, 1921 год — 456.000, 1922 год — 474.000, 1923 год — 525.000, 1924 год — 508.000, 1925 год — 544.000, 1926 год — 581.000. Таким образом, в 1926 году число занятых еще меньше, чем в 1919 году. Если присмотреться к тому, в каких отраслях народного хозяйства уменьшилось число занятых по сравнению с 1919—20 годами, то приходится констатировать, что больше всего оно уменьшилось в железодобывательной промышленности (в 1919 г. число занятых составляло 129.000, в 1920 г. — 146.000, а в 1925 г. — всего 90.000, т. е. оно уменьшилось на 39.000). Это совершенно понятно, так как во время войны и в первые годы после войны, когда европейская и американская железодобывательная промышленность была занята военными поставками, могла развиваться канадская, обслуживавшая отчасти военные потребности. Потом разразился кризис в железодобывательной промышленности, который здесь оказался особенно сильным, вследствие ожившей конкуренции Соединенных Штатов и Англии.

Относительно Англии мы имеем различные данные. По подсчетам Войтинского, в журнале *Die Gesellschaft* за июнь 1928 года, число занятых в английской промышленности было: в 1923 году — 8,2 млн., а в 1924 году — 8,2 млн., в 1925 году — 8,3 млн., в 1926 году — 8,36 млн., в 1927 году — 8,32 млн. По подсчетам, которые приводятся в журнале английского статистического общества за январь 1929 года, число занятых в английской промышленности было в сентябре каждого года следующее (в тысячах):

	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
Текстильная промышленность . . .	905,2	993,7	103,6	849,6	1.034,1	920,3
Производство пищевых веществ, а также обуви	1.023,0	1.067,0	1.101,0	1.077,3	1.147,7	1.131,4
Железодобывательная, машиностроительная и кораблестроительная промышленность	1.366	1.429	1.422	1.220	1.460	1.420
Железнодорожный транспорт	957,4	950,6	941,5	919,6	968,3	933,7
Строительство	1.555,0	1.631,7	1.720,5	1.683,9	1.846,5	1.833,1
Всего	5.806,6	6.072,0	6.188,6	5.750,4	6.456,6	6.238,5

Эти данные в общем подтверждают те, которые приводит Войтинский, давший, повидимому, общую сумму застрахованных за исключением безработных.

Относительно фабричной промышленности Германии после 1925 года нет полных данных, так как, начиная с 1925 года, метод исчисления количества фабричных предприятий и числа занятых в них изменен. Поэтому сопоставление с предыдущими годами, начиная с 1926 года, не представляется возможным. Однако, судя по тому, что 1927 год дал значительное повышение общего числа занятых, между тем, как в 1926 году оно относительно мало уменьшилось, можно предполагать, что общее число занятых в 1927 г. было значительно выше, чем в 1925 г. или в предыдущие годы. На самом деле число занятых в 1926 г. по сравнению с 1925 г. уменьшилось на 4%, а в 1927 г. по сравнению с 1926 г. число занятых увеличилось на 17%, и хотя метод исчисления был иной, но различие было не настолько значительным, чтобы элиминировать это сильное повышение числа занятых в 1927 г. по сравнению с 1926 г.

Германская фабричная статистика впервые указывает, как изменилось и число предприятий между 1926 и 1927 гг. Оказывается, что в 1927 году, в год чрезвычайно высокой конъюнктуры, число старых предприятий уменьшилось на 5,7%, а число вновь построенных увеличилось на 20,4%, при чем, несмотря на уменьшение количества старых предприятий на 5,7%, число занятых в старых предприятиях увеличилось все-таки на 11,2%; вследствие постройки новых предприятий число занятых увеличилось еще на 8,9%. Из этих данных видно, что годы промышленного подъема дают постройку новых предприятий в размере 20% существующих. Так как нормально такое строительство не имеет места и постройка промышленных предприятий, как мы видели, в годы после войны была весьма незначительной, то мы могли сделать тот вывод, что общая конъюнктура после войны, за исключением отдельных кратковременных периодов, была в общем и целом депрессивной. Таким образом, мы приходим к выводу, что мысль высказанная Марксом в первом томе «Капитала», что с возрастанием капитала увеличивается и переменный состав его или число занятых, но увеличивается оно по постоянно убывающей пропорции, оправдывается и послевоенным развитием капитализма. «Ускоряющееся в растущей прогрессии накопление всего капитала становится условием того, чтобы можно было поглотить определенное добавочное число рабочих, или даже того, чтобы, несмотря на постоянные метаморфозы постоянного капитала уже функционирующие рабочие сохранили работу». Поскольку такое ускорение темпа накопления всего капитала имело место, растет и число занятых рабочих; поскольку же оно замедляется, число занятых или мало растет или даже временно несколько уменьшается. Замедленный же темп увеличения числа занятых создает, несмотря на современный замедлившийся темп роста населения, угрозу постоянно растущей безработицы и вместе с тем усиливает ту неопределенность положения рабочих, которая составляет основное проклятие капиталистического хозяйства. Но если в довоенное время безработица, как правило, в общем была непродолжительной и если в течение одного или максимум двух производственных периодов, за исключением небольшой группы рабочих (в индустриальных странах около 300.000), все остальные безработные могли надеяться получить снова работу, то в настоящее время огромная безработица уже длится многие годы и создает, таким образом, особенно острый горючий материал для революционных взрывов.